

Гурба Владимир Николаевич

докторант кафедры гуманитарных
и социальных наук
Шахтинского института (филиала)
ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный
технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)»

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Аннотация:

В статье исследуется проблема влияния средств массовой информации на потребителя; роль символической борьбы: показана связь глобальных СМИ и эскалации терроризма; дана оценка манипулятивных приемов и технологий массмедиа.

Ключевые слова:

террор, символическая борьба; средства массовой коммуникации; ксенофобия.

Gurba Vladimir Nikolaevich

Doctoral student
Humanities and Social Sciences Department,
Shachtinsky Institute (branch)
South Russian State
Technical University
(Novocherkassk Polytechnic Institute)

TERRORISM IN A CONTEXT OF SYMBOLICAL STRUGGLE

Summary:

In article the problem of influence of mass media on the consumer is investigated; a role of symbolical struggle: communication of global mass-media is shown and escalation of terrorism; the estimation manipulative receptions and technologies mass media is given.

Keywords:

terror, symbolical struggle; mass media; xenophobia.

Символический компонент террористической деятельности определяется символической природой социальных систем. Человек оперирует множеством объектов, которые выступают в качестве замещения других объектов, процессов, отношений. Некоторые объекты-заместители понятны только их создателям или небольшой группе людей. Но ряд других, как некая «самоочевидная тотальность», становятся понятными большинству членов общности. Их понятность обусловлена не только общей известностью, но и «авторством» – эти символы должны продуцироваться самой общностью. Символы такого рода концентрируют суть системы, процессов, отношений и как основные конструктивные элементы системы определяют ее устойчивость. Эти символы выступают объектом террористической атаки в первую очередь. На них направляется удар, для того чтобы разрушить устойчивость и целостность всей системы. Так, для российских революционеров-террористов важно было не просто кинуть бомбу в царского чиновника, но предварительно «осудить» и вынести «приговор». Целью был не столько сам чиновник, сколько система в целом. Необходимо доказать «незаконность» действий и существования самодержавия как такового, как символа российской державности.

Пример из современности. Вряд ли Аль-Каида, выбирая объект для атаки в 2001 г., стремилась уничтожить как можно больше американцев и пару дорогих небоскребов. Башни-близнецы Всемирного торгового центра были таким же символом Америки, как и Белый дом, Статуя Свободы. В прессе писали, что «социальная роль Близнецов оказалась незначительной», что они «стали гордым символом прорыва к процветанию нации», в них сосредоточены представления «о самой передовой в мире, образцовой демократии, о самом лучшем и правильном образе жизни народа, чему и следует подражать остальному миру». Американцы безоговорочно восхищались и гордились ими. «В Близнецах они увидели символ великой государственной и общественной системы» [1, с. 337]. Кроме того, десятки лет весь мир сотрясали военные действия. Америка участвовала во многих войнах, но не на территории самой Америки. Атака, направленная на эти башни, нанесла бы максимально ощутимый урон, поскольку затронула бы чувство безопасности миллионов людей, символическую мощь страны.

Именно эта символическая значимость объектов объясняла реакцию американцев и всего мира на террористическую атаку 11 сентября 2001 г. Это был шок, переживаемый как национальная катастрофа. Газеты вышли с заголовками: «Америка атакована!», «Война!». В редакционной статье газеты «Вашингтон пост» от 12 сентября 2001 г. написано: «Вчерашние чудовищные террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне войдут в число самых страшных катастроф в истории Америки. США столкнулись с одной из самых серьезных проблем. С 7 декабря 1941 г. США не приходилось иметь дело с агрессией таких масштабов...». «Через несколько дней или недель мы узнаем подробности... но уже сегодня мы знаем, что произошло страшное, мучительное событие. Тысячи мирных американцев систематически уничтожались в этот солнечный день врагом, который пока не назвал свое имя и, скорее всего, не будет этого делать» [2, с.19–20].

Согласно опросам, 74 % населения согласились с тем, что 11 сентября 2001 г. в США произошло событие, по масштабам перекрывающее все, что случалось ранее, после чего жизнь уже не вернется в прежнее русло, и только 21 % населения не разделяет ее [2, с. 21].

Башни-близнецы выступали символом экономического могущества Америки не только для самой Америки, но и для всего мира, ее претензией на центральную и определяющую роль в «новом мировом порядке». Экономические последствия этой атаки были более значительны, чем ущерб от разрушения зданий и гибели людей. Это был удар по восприятию жизни и представлению о мироустройстве. На следующий день после теракта не были открыты торги на Нью-Йоркской фондовой бирже, чего не случалось со времен Великой депрессии – мирового экономического кризиса 30-х гг. 17 сентября 2001 г. после возобновления торгов оказалось, что котировки акций упали. Индекс Доу-Джонса упал на 684 пункта (7,1 %), а в течение следующей недели еще на 1369 пунктов (14,3 %). В итоге владельцы акций крупнейших американских корпораций потеряли около 1,2 трлн. Долларов [2, с. 38]. Доллар в тот период был достаточно неустойчив, но теракт усилил падение его курса. Сила символического удара обусловлена развитием новейших информационных технологий, которые определяют картину современного мира, образ жизни и способ восприятия людей. Современные люди не только умеют читать и выписывают газеты. Гораздо более распространен такой информационный канал, как телевидение. Телевизионные приемники уже не являются предметом роскоши, и даже в бедных домах имеется более одного телевизора. Телевидение меняет информационные привычки населения. Согласно данным опросов, проведенных во всех странах, среди всех досуговых занятий лидирует именно просмотр телевизионных передач. В отличие от чтения, которое все же представляет некоторый труд, просмотр телевизионной передачи не требует никаких специальных навыков и усилий. Телевидение совместимо со многими занятиями: люди включают телевизор за обедом и ужином, занимаясь уборкой в доме, любимым хобби, работая за компьютером и т.д. По данным эксперта по вопросам телевидения О. Ларсена, средний 18-летний американский подросток уже имеет на своем «счете» 1700 часов, проведенных перед телевизором, и 15 тысяч наблюдаемых актов убийств. Или по другим сведениям – 20 тысяч актов убийств и 100 тысяч актов другого насилия [3, с. 62]. М. Кастельс пишет, что «успех телевидения есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории» [4, с. 317]. Но М. Кастельс недооценивает трансформацию способов восприятия информации, о чем подробно пишет М. Мак-Люэн [5].

Мак-Люэн связывает усиление воздействия средств коммуникации с изменением способов ее восприятия. В отличие от печатного слова, телевидение обращается к визуальному восприятию, которое происходит на дорефлективном уровне. Телевизионную картинку не столько понимают, логически осмысливают, сколько принимают, усваивают как целостный образ. В силу того, что телевидение обращается к большему числу модальностей восприятия, оно способно вызвать не только более сильную эмоциональную реакцию, но и сформировать ощущение сопричастности, присутствия, вовлеченности зрителя в ситуацию.

Новые свойства социальных коммуникаций, основанных на новых информационных технологиях, кардинально меняют силу символических акций и роль символической борьбы в ситуациях социально-политического противостояния. Те же взрывы башен-близнецов в слабо интегрированном информационном пространстве не произвели бы такого действия. Ученые делают вывод, что «терроризм возник вместе со СМИ и связан с ними неразрывно». «Современный терроризм – родной брат телевидения. Бомбардировки Ирака, расстрел Дома Советов или взрыв в Печатниках не имели бы смысла, если бы телевидение не донесло их в каждый дом» [6, с. 172]. Связь функционирования глобальных средств массовой информации и эскалации терроризма беспокоит многих исследователей и политиков: «чем больший резонанс приобретают акты международного терроризма, тем сильнее он стимулирует преступные действия многих террористических групп, ибо они воспринимают это амбициозно как усиление значения их деятельности и дополнительную основу для выдвигаемых ими требований... Представляется, что это одна из причин заявлений многими террористическими группами о взятии на себя ответственности за совершение терактов» [7, с. 66–67]. Д. Дондурей утверждает: «Без телевидения террор в постиндустриальном медийном обществе вообще не имеет смысла» [8].

Особенности функционирования средств массовой информации как социального института объясняют, почему СМИ превращаются в инструмент символической борьбы и имиджирования терроризма. Интерес к этому институту и значимость СМИ определяются степенью их информационной свободы. Отбор материалов в широком информационном пространстве определяется не только важностью информации, но и законами политической и рыночной игры – прямой политической заказ, вкусы обывателей, которых привлекает что-нибудь «погорячее».

Интересное издание покупается более активно, интересный канал привлекает больше денег на рекламу. Журналисты и руководство СМИ не могут не учитывать этот фактор. Но существует и прямые заработки журналистов, выступающих активными информационными посредниками, между обществом и террористами. Известно, что А. Бабицкий, репортер радио «Свобода», часто бывал в лагерях чеченских боевиков, в его репортажах лидеры боевиков получали трибуну для вещания в обществе. Российские СМИ становились средством информации террористов. Тем не менее его деятельность, как и действия других журналистов, получали оценку в профессионально-рыночных категориях – «они продают хорошо сделанные журналистские продукты на рынке информации и имеют на это право». Однако любое информационное сообщение представляет собой ментальный продукт, сконструированный автором медиатекст, результат сознательной деятельности. Но в отличие от продаваемых торговцами ботинок, крема для обуви или зубной пасты в информационном продукте проявляется авторская идеология. Его замысел подчиняется определенным условиям. Британский ученый Л. Мастерман считает, что любой медиатекст можно рассмотреть с позиций механизмов ценностного и идеологического воздействия. Любой медиатекст можно рассмотреть с позиций ответственности за его создание, ценностных ориентаций, преобладающих в созданном этим текстом образе мира, выводов, которые почерпнула из этого текста аудитория [9].

Считается, что основная часть финансовых средств террористов расходуется не на подготовку и проведение собственно террористических действий, боевых операций, а на информационные процессы, моделирование информационного поля. Кроме ретрансляции идей и рекламы террористических организаций, современные средства массовой информации становятся каналом информационных манипуляций, которые усиливают символический эффект. То есть информационное пространство выступает не только средством, но и полем символической борьбы – борьбы за смыслы, образы, акценты понимания событий, за установки и ориентации масс. Борьба за смыслы и акценты этих событий разворачивается сразу после их совершения. Таким событием стал теракт в Беслане.

Печатное слово может обмануть, запутать, но не лишает желаний разобраться в ситуации, сопоставить доводы, доказательства и понять, кто прав. Жонглирование визуальными образами в телевизионном эфире не просто вносит диссонанс, но разрушает логический строй мышления и формирует «клиповое» восприятие, «экранное» сознание, «в которое можно постоянно вмешиваться, которое можно искусственно разбирать и собирать, раскраивать и заново сшивать, вводя в него нужные «идолы» рынка, театра, площади и т.д.» [10, с. 16]. Разрушенный логический строй мыслительной деятельности значительно понижает общий уровень информационно-коммуникативной среды. «Клиповость» подачи информации, ее количество, скорость смены информационной картинки, ее фрагментарность и скорость лишают человека возможности просто подумать, поразмышлять, ведут к утрате твердых ценностных ориентиров и прочных аксиологических конструкций, лишают человека необходимости рефлексии. Отсутствие рефлексивных навыков делает человека беззащитным перед манипулятивными приемами и технологиями, часто и намеренно применяемых в современной профессионально-информационной среде. Довольно распространены следующие приемы:

1. Прием «оркестровка» – психологическое давление в форме постоянного повторения тех или иных фактов вне зависимости от истины.
2. Прием «селекция» («подтасовка») – отбор определенных тенденций, к примеру, только позитивных или негативных, искажение, преувеличение (преуменьшение) данных тенденций.
3. Прием «наведение румян» – приукрашивание фактов.
4. Прием «приклеивание ярлыков» (например, обвинительных, обидных и т.д.).
5. Прием «трансфер» («проекция») – перенос каких-либо качеств (положительных, отрицательных) на другое явление (или человека).
6. Прием «свидетельство» – ссылка (не обязательно корректная) на авторитеты с целью оправдать то или иное действие, тот или иной лозунг.
7. Прием «игра в простонародность», включающая, к примеру, максимально упрощенную форму подачи информации.
8. Прием «просеивание» информации (к примеру, для медиатекстов, претендующих на документальность эффективно аргументированное выделение истинного и ложного, очищение информации от «румян» и «ярлыков» путем сопоставления с действительными фактами и т.д.).
9. Прием «снятие» с информации ореола «типичности», «простонародности», «авторитетности», или наоборот – навешивание такого ореола [11].

Надо сказать, что журналисты – представители своего народа, и на многих из них действуют те же факторы, что и на всех остальных. Поэтому их продукты, «возмущающие» информационное пространство, могут быть результатом не столько сознательных действий, сколько

ошибок и безграмотности. Но в отличие от остального населения журналисты воспроизводят свои ошибки и безграмотность публично и оказывают этим воздействие на общественное сознание и настроения. Специалистами центра «СОВА» ведется систематический мониторинг языка вражды в различных СМИ. Ими собран определенный материал, обобщая и анализируя который были выявлены следующие типичные ошибки журналистов:

1. Ошибки по небрежности или невнимательности.
2. Некорректное употребление религиозных терминов.
3. Некорректный заголовок или анонс.
4. Юридическая безграмотность.
5. Смешение социальной проблематики и этнорелигиозной риторики [12].

Например, упоминание не к месту вероисповедания человека, которое рождает ошибочные параллели (например, в криминальной хронике, даже если преступление никакого отношения к мировоззрению преступника не имело). Читатели, слушатели могут связать оба мотива на подсознательном уровне. «Если в статье появляется замечание о том, что «преступник был православным/буддистом/мусульманином», то это лишь искажает реальную картину события, наполняет ее не имеющими отношения к делу деталями, релевантными лишь для стереотипов, имеющихся у автора и/или читателя» [12]. Стремление к броским заголовкам или анонсам рождает некорректные высказывания. Например, 13 июня 2007 г. «Московский комсомолец» опубликовал заметку под названием «Ислам готовил теракт в Москве». Что должны были подумать читатели? Но в статье речь идет о молодом человеке из Дагестана, всего лишь подозреваемом в подготовке теракта в Москве. В новостном блоке канала REN-TV прозвучал такой анонс сюжета: «Сегодня объявлен смотрящий по Кавказу». В сюжете речь шла о формировании нового Северо-Кавказского федерального округа и назначении А. Хлопонина полномочным представителем президента.

Основная линия символической борьбы – это проведение границы между «мы» и «они». Казалось бы, она возникает естественно между обществом, подвергшимся террористической атаке, и террористами, прибегающими к жестоким мерам, убийствам невинных людей, женщин и детей.

Осуществленный социологами контент-анализ текстов, опубликованных сразу же после бесланской трагедии («Независимая газета», «Коммерсант», «Советская Россия» с 1 по 17 сентября 2004 г.), показывает частое употребление слов «мы» и «они» как объединительно-разделительных категорий, а не грамматических форм. Если до случившейся трагедии в Беслане в отношении действующих лиц северокавказского конфликта использовались преимущественно нейтральные категории («незаконные вооруженные формирования», «чеченские повстанцы», «сепаратисты» и т.д.), то после нее нейтральные категории «боевики \ сепаратисты \ шахиды \ басаевцы \ захватчики» были в большей части заменены словами «террористы», «бандиты», а иногда и крайне враждебными «подонки \ убийцы \ сволочи \ ублюдки \ нелюди \ твари». Причем контент-анализ показал, что деление «мы» и «они» происходит по этноконфессиональной линии. Так, газета «Коммерсант», более других исследованных социологами изданий, интерпретировала события как результат деятельности различных народов: осетин, ингушей, чеченцев, русских – и почти не использовала в своих комментариях обобщенного понятия «россияне» [13, с. 62]. Во многих изданиях акцент был сделан на противопоставлении «православной Осетии» «исламским», в первую очередь, «чечено-ингушским» террористам. В целом можно сказать, что после каждого громкого теракта (11 сентября, «Норд-Оста», Беслана) возрастает античеченская, антикавказская и антимусульманская риторика. Мониторинг Центра СОВА установил, что после трагических событий, терминологии, которую можно квалифицировать как язык вражды, стало, как минимум, вчетверо больше. Причем на фоне устойчивого доминирования слабых форм и мягких неполиткорректных высказываний, появляются прямые призывы к насилию [14].

Согласно данным этого мониторинга, а также других исследований, основным фобийным объектом в Российской Федерации выступают кавказцы [15]. Репрезентативный всероссийский опрос ВЦИОМ, проведенный 20–21 июня 2009 г. среди 1 600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России, подтвердил эту тенденцию.

Наибольшую симпатию вызывают представители русских, украинцев, белорусов и славян в целом, что вполне объяснимо преобладанием доли русского населения в этническом составе россиян. Симпатии к европейским народам опережают симпатии к кавказцам, татарам и другим народам. В то же время антипатия к кавказцам сопоставима по распространенности с симпатией к русским/славянам.

Обнадеживает стабильный рост числа людей, утверждающих, что они относятся ко всем национальностям одинаково, и значительный рост людей, не испытывающих антипатий по эт-

ническому принципу (с 34 % в 2005 г. до 55 % в 2009 г.). Хотя доля тех, кто неприязненно относится к кавказцам, несколько выросла – с 23 % в 2005 году до 29 % в 2009 г. Опрос проводился до взрыва на «Невском экспрессе». Думаем, что замер, проведенный после взрыва, показал бы резкий всплеск антипатий, учитывая стабильную тенденцию населения реагировать ростом ксенофобии на террористические акты.

Символические методы, используемые для террористической атаки, для возбуждения страха, ненависти, преодолеваются только символическими средствами. Пример 11 сентября 2001 г., на который мы ссылались, показал, что американцы устояли не столько вследствие силовых мер против Афганистана и усиления полицейских полномочий, сколько используя символические средства: во-первых, символический капитал международной солидарности и символический капитал общенационального единства. Способствовало усилению единства обращение к символическим ценностям, призыв к единению нации на основе религиозного чувства.

Отечественный опыт оказался менее удачным. Международная поддержка России в связи с террористическими актами была слаба. Даже события, безусловно, трагические, такие как смерть детей в захваченной террористами школе, привлекли меньше внимания международной общественности, чем журналистские репортажи из лагерей сепаратистов. Российские СМИ не бывали едиными в оценке многих событий. Информационная картина, подаваемая через российские средства информации, не способствовала общенациональной солидарности. Более того, очевидны были метания авторов медиатекстов из одной позиции в другую, иногда просто растерянность, а часто равнодушие к согражданам. Кроме того, язык вражды, который использовала власть в отношении террористов (подонки, мочить в сортире), вряд ли мог сплотить граждан, а жителями кавказских обществ воспринимался как общая угроза.

Ссылки:

1. См.: Корнилов П.А. Символическая война: Россия под ударом // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3.
2. Цит. по: Кузнецов Д.В. События 11 сентября 2001 года и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. М., 2009.
3. Дроздов А.Ю. Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 8.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
5. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. К., 2003.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.
7. Terrorism and International Order. Chatam House Special Paper. N.-Y., 1988. P. 7.
8. Дондурей Д. Террор: Война за смысл. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2004/10/18/dond.html>
9. Федоров А.В. Критический анализ медиатекста, содержащего сцены насилия, на медиаобразовательных занятиях в студенческой аудитории (на примере фильма «Груз 200»). URL: <http://psyfactor.org/lib/fedorov12.htm>
10. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2003. № 12.
11. Федоров А.В. Указ. Соч.
12. Кожевникова Г. Журналисты о религиозных группах: между некомпетентностью и неприязнью. URL: <http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/DB18278>
13. Барсамов В.А. Контент-анализ газетных материалов (события в Беслане) // Социологические исследования. 2006. № 2.
14. Верховский А.М. Этническая и религиозная ксенофобия в СМИ: как определять и как реагировать. URL: <http://ea-warn.ru/pub/About/WebSeminarTaxisAug/Verkhovsky.htm>
15. Гудков Л. Почему мы не любим приезжих? Часть вторая. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0233/tema02.php>

References:

1. See: Kornilov P.A. Symbolic war: Russia under attack // Socio-humanitarian knowledge. 2005. № 3.
2. Quoted by: Kuznetsov D.V. The events of 11 September 2001 and the problem of international terrorism in the mirror of public opinion. Moscow, 2009.
3. Drozdov A.Y. Aggressive television: a socio-psychological analysis of the phenomenon // Case Studies. 2001. № 8.
4. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. M., 2000.
5. McLuhan M. Gutenberg Galaxy: The creation of man print culture. K., 2003.
6. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. Moscow, 2002.
7. Terrorism and International Order. Chatam House Special Paper. N.-Y., 1988. P. 7.
8. Dondurei D. Terror: The War of sense. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2004/10/18/dond.html>
9. Fedorov A.V. Critical analysis of media texts, containing scenes of violence on media studies in the student audience (for example, the film "Cargo 200"). URL: <http://psyfactor.org/lib/fedorov12.htm>
10. New information technologies and the fate of rationality in modern culture (materials "round table") // Problems of Philosophy. 2003. № 12.
11. Fedorov A.V. Op. cit.
12. Kozhevnikova G. Journalists religious groups: between incompetence and hostility. URL: <http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/DB18278>
13. Barsamov V.A. Content analysis of newspaper articles (in Beslan) // Case Studies. 2006. № 2.
14. Verhovsky A.M. Ethnic and religious xenophobia in the media: how to define and how to react. URL: <http://ea-warn.ru/pub/About/WebSeminarTaxisAug/Verkhovsky.htm>
15. Gudkov L. Why we do not like immigrants? Part Two. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0233/tema02.php>